

Foundation for Research and Support of the Indigenous Peoples Crimea**Фонд исследования и поддержки коренных народов Крыма**

Совещание ОБСЕ по рассмотрению выполнения,
посвященное человеческому измерению 2016 г.

Рабочее заседание 7

**ДЕПОРТАЦИЯ КОРЕННОГО КРЫМСКОТАТАРСКОГО НАРОДА КАК
НЕОКОНЧЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НЕ ИМЕЮЩЕЕ
СРОКА ДАВНОСТИ**

(докладчики – Бабин Борис, Плешко Эдуард,
Топалова Эльзара, Приходько Анна)

**Deportation of the Crimean Tatar People as the Continuous International Crime
that has no Limitation Period**

(Rapporteurs – Borys Babin, Pleshko Eduard, Topalova Elzara, Prykhodko Anna)

Правовая квалификация принудительной депортации этнической группы из местности ее традиционного проживания стала крайне актуальной в силу ужасающих деяний отдельных государств в течение XX века. В частности такой стала политика СССР и современной РФ, как нового перевоплощения российского империализма, по отношению к крымскотатарскому народу. Факты незаконной депортации этнических групп советской властью неоднократно становились предметом правотворческой активности в Украине начиная с 1992 г.

В актах президента и правительства этого государства правовой оценки соответствующих действий советской власти долгое время не содержалось. В постановлении Кабинета Министров Украины от 14 марта 1992 г. № 132 по вопросам депортированных речь шла лишь об «устранении деформаций и искажений в сфере национальной политики, допущенных в 40-х годах», в указах Президента Украины от 14 апреля 1994 г. № 165/94 и от 27 апреля 1999 г. № 457/99 указывалось исключительно о «памяти жертв депортации» и о необходимости «восстановления их прав»; в распоряжении Президента Украины от 15 сентября 2003 № 286/2003-рп по поводу годовщины депортации из Крыма указывалось о «памяти невинных жертв тоталитарного режима».

В то же время в указе Президента Украины от 30 апреля 2009г. № 281/2009 в связи с годовщиной депортации из Крыма говорилось об осуждении действий тоталитарного режима, а в указе Президента Украины от 16 мая 2014 № 472/2014 указывалось о депортации «вследствие действий тоталитарного режима бывшего СССР», но без признания депортации преступной. В указе Президента Украины от 24 марта 2015 г. № 169/2015 уже говорится об «увековечении памяти о ... жертвах ... депортаций и преступлений против человечности, совершенных в годы войны», тем самым по содержанию депортации были отделены от преступлений против человечности.

Парламентские же акты Верховной Рады (парламента) Украины по вопросам депортации длительное время определяли такие действия советской власти как преступные в целом. Так, в рекомендациях парламентских слушаний по вопросам депортированных, утвержденных постановлением Верховной Рады Украины от 20 апреля 2000 г. № 1660-III, речь шла о том, что «Украинское государство безусловно осуждает преступные акты против народов и национальных меньшинств, подвергшихся насильственной депортации» без четкого увязывания этого тезиса

именно с депортациями из Крыма. В ст. 1 Закона Украины от 17 апреля 2014 г. № 1223-VII «О восстановлении прав лиц, депортированных по национальному признаку» депортация определена как насильственное переселение народов, национальных меньшинств и лиц по национальному признаку из мест их постоянного проживания на основании решений, принятых органами государственной власти бывшего СССР либо союзных республик. Согласно ст. 3 этого закона Украина признает такие депортации как незаконные и преступные акты, совершенные против народов, национальных меньшинств и лиц. Вместе с тем указывается, что Украина признает акты органов государственной власти бывшего СССР о реабилитации депортированных лиц, насильственно переселенных из мест постоянного проживания, и о восстановлении их прав.

Хотя по ст. 4 указанного закона депортированным может быть признано только лицо, депортированное из мест постоянного проживания, являющихся территорией современной Украины (прежде всего это касается депортированных из Крыма в 1941 г. немцев и в 1944 г. – крымскотатарского народа, а также этнических болгар, армян и греков, лиц без гражданства СССР и др., а также депортированных в 1939-1953 гг. из Западной Украины украинцев), действие ст. 1 и ст. 3 этого закона может быть распространено и на случаи депортации советской властью из других регионов: немцев в 1945-1947 гг., латышей, литовцев, эстонцев в 1940-1953 гг., этнических групп Кавказа (азербайджанцев, балкарцев, ингушей, карачаевцев, курдов, турок, хемшилов и чеченцев) в 1943-1944 гг.

Отдельные упомянутые в ст. 3 закона Украины № 1223-VII акты власти СССР о реабилитации депортированных определяют такие депортации как преступление. В Декларации Верховного Совета СССР от 16 ноября 1989 г. № 772-I была «безоговорочно» осуждена «практика насильственного переселения целых народов как тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права, гуманистической природе социалистического строя» и содержалось определение депортации как «попрания прав человека и норм гуманности на государственном уровне». Для реализации требований этой Декларации постановлением Верховного Совета СССР № 2013-I от 7 марта 1991 г. были отменены все акты Верховного Совета СССР по вопросам ограничения прав депортированных и ликвидации их национальных автономий; исполнительным органам власти СССР предписывалось отменить соответствующие подзаконные акты 40-60-х гг. XX ст. по вопросам организации депортаций и ограничения прав депортированных.

Законом Российской СФСР от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов» было указано на «политику произвола и беззакония, практиковавшуюся на государственном уровне в отношении этих народов». В ст. 1 этого закона предписывалось реабилитировать все репрессированные народы Российской СФСР, «признав незаконными и преступными репрессивные акты против этих народов». Этот закон формально сохраняет свою силу в современной РФ, он содержит ссылки на указанную Декларацию Верховного Совета СССР № 772-I.

После распада СССР отдельные межгосударственные соглашения на постсоветском пространстве возвращались к вопросу квалификации депортации. Так, Соглашение по вопросам, связанным с восстановлением прав депортированных

лиц, национальных меньшинств и народов от 9 октября 1992 г. в своей преамбуле безоговорочно осуждало «имеющуюся в прошлом тоталитарную практику насильственного переселения народов, национальных меньшинств и отдельных граждан бывшего СССР» как «злодеяния, противоречащие общечеловеческим, гуманным принципам». Это Соглашение, заключенное между государствами СНГ, не было ратифицировано Россией и потеряло силу для государств, присоединившихся к нему (Азербайджан, Беларусь, Армения, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Украина, Узбекистан), в июне 2013 г.

Действующие поныне Соглашение между правительствами Украины и Узбекистана о сотрудничестве по добровольному организованному возвращению депортированных лиц, национальных меньшинств и народов в Украину от 20 февраля 1993 г. в преамбуле признает «репрессивные акты против отдельных лиц, национальных меньшинств и народов, подвергшихся насильственному переселению» незаконными и преступными.

Таким образом, депортации этнических групп советской властью признавались преступлением в нормативных актах СССР последних лет его существования, они охарактеризованы как преступные в национальном законодательстве и в отдельных международных соглашениях. Вопрос уголовной квалификации депортаций советского периода как преступления остается при этом нерешенным – все указанные советские и постсоветские нормативные акты его не раскрывают. Национальная и международная судебная практика по уголовной квалификации советских депортаций также отсутствует.

Международное гуманитарное право, безусловно, считает насильственную депортацию гражданского населения международным преступлением. Еще в ст. 23 Кодекса Либерта 1863 г. содержался запрет силового изгнания гражданского населения в «отдаленные районы». Упоминание о принудительном переселении (депортации) как о военном преступлении содержалось в Лондонской (Сент-Джеймской) декларации 1942 г. антигитлеровской коалиции. Согласно ст. 6 «с» Устава Международного военного трибунала 1945 г. «уведение в рабство либо для других целей населения оккупированной территории» является военным преступлением, а преступлением против человечества являются «ссылки и другие жестокости, совершенные против гражданского населения до или во время войны с целью осуществления либо в связи с любым преступлением, подпадающим под юрисдикцию Трибунала»; в приговоре Нюрнбергского трибунала содержится ссылка на депортацию населения оккупированных территорий, присоединенных к Германии властью этого государства, как на международное преступление.

Согласно ст. 2 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., которую Украинская ССР подписала 16 декабря 1949 г. и ратифицировала с оговорками 22 июля 1954 г. (оговорки сняты парламентским постановлением от 14 марта 1989 г. № 7248-XI) под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: убийство членов такой группы; причинение серьезных телесных повреждений либо умственного расстройства членам такой группы; предумышленное создание для какой-либо группы жизненных условий,

рассчитанных на полное либо частичное физическое уничтожение; меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Согласно ст. 3 Конвенции наказуемым является как непосредственно геноцид, так и заговор с целью совершения геноцида, прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида, покушение на совершение геноцида и соучастие в геноциде. Указанный состав преступления прямо не предусматривает депортацию как форму геноцида; для квалификации депортации геноцидом необходимо доказать как минимум намерение организаторов такой депортации на полное или частичное уничтожение соответствующей этнической группы в результате депортации и прямо связанных с ней процессов.

Этот тезис о необходимости доказывания умысла организаторов депортации, в частности, содержали в п. 214 предварительный доклад «Связанные с правами человека аспекты перемещения населения, включая размещение поселенцев» Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите прав меньшинств Комиссии по правам человека ООН от 6 июля 1993 г. E/CN.4/Sub.2/1993/17 [22] и в п. 23 – одноименный предварительный доклад ООН от 30 июня 1994 г. E/CN.4/Sub.2/1994/18.

Авторы указанного доклада ООН 1993 г. отмечали, что общие последствия переселений совпадают с последствиями этноцида, для которых характерна причастность государства к уничтожению жизненно важных элементов либо ресурсов любого отдельного населения, народа или нации, к узурпации контроля над этими элементами, вплоть до их полного уничтожения (п. 100) и что «совокупные последствия перемещения населения могут подпадать под одно или несколько определений геноцида» (п. 101 доклада). В п. 215 доклада 1993 г. указывалось, что понимание правительством деструктивных последствий перемещения для соответствующей группы и одновременно с этим продолжение участия в осуществлении такой практики либо неспособность принять меры по ее предотвращению «лишает всякой силы аргументы об отсутствии намерения, предъявляемых правительством».

В п. 213 указанной докладе 1993 г. было отмечено, что «взаимосвязь между практикой перемещения населения и геноцидом приобретает наиболее четких форм в условиях, когда выселение народа ... сопровождается менее закамуфлированными мерами физического уничтожения той или иной группы, включая принудительные аборт, запрет на использование собственного языка, заключения, убийства и пытки». Характерно, что констатируя в п. 211, что некоторые из случаев перемещения населения в XX в. подпадали под определение геноцида, предложенное конвенцией 1948 г., авторы этого доклада ООН 1993 г. ссылались именно на примеры по принудительному переселению населения балтийских государств властью СССР в 1941-1952 гг. Это, впрочем, малоудивительно, учитывая что еще в 1953 г. советскую политику по отношению к крымским татарам, латышам, литовцам, украинцам и эстонцам называл геноцидом автор самого термина «геноцид» и вдохновитель конвенции 1948 г. юрист-международник Рафаэль Лемкин в своей статье «Советский геноцид в Украине».

В окончательном докладе указанной Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите прав меньшинств ООН «Права человека и перемещения населения» от 27 июня 1997 г. E/CN.4/Sub.2/1997/23, подытожившим результаты обработки упомянутых докладов ООН 1993 г. и 1994 г., в п. 11 депортация под предлогом национальной безопасности или военных нужд определялась как форма принудительного переселения, в п. 65 этого доклада ООН изгнание меньшинств либо этнических групп с их исконных земель в пределах или за пределы государства определялось как неправомерное и устанавливающее как ответственность государства, так и уголовную ответственность отдельных лиц.

Резолюция указанной Подкомиссии от 28 августа 1997 г. 1997/29 «Свобода передвижения и перемещения населения», одобренная по итогам приведенных докладов 1993-1997 гг., констатировала, что практики насильственных изгнаний, массовых переселений и депортаций, насильственного обмена населением, неправомерной эвакуации, «этнических чисток» и др. являются формами насильственных переселений, которые могут происходить как между государствами, так и на внутригосударственном уровне, не только лишают такое население права на свободу передвижения, но и угрожают миру и безопасности государств.

Указанные процессы в учреждениях ООН повлияли на кодификацию международного уголовного права, воплощенную в Римском статуте Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. В частности, в ст. 6 Римского статута содержится определение геноцида, совершенно тождественное приведенному в Конвенции 1948 г. В то же время ст. 7 Римского статута предусматривает отдельный от геноцида состав преступлений против человечности в форме депортации либо иного перемещения населения, определенный как «насильственное перемещение лиц, подвергшихся выселению либо другим принудительным действиям из района, в котором они законно находятся, при отсутствии оснований, допускаемых международным правом». Такое преступление имеет совершаться в условиях широкомасштабного либо системного нападения на любых гражданских лиц если такое нападение будет совершенным сознательно.

В ст. 8 Римского статута указано на такое отличное от геноцида международное военное преступление, как незаконная депортация, перемещение либо незаконное лишение свободы как серьезное нарушение Женевских конвенций 1949 г., если оно является совершенным крупномасштабно, либо в рамках плана или политики. IV Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. в ст.ст. 49, 147 предусматривает запрет депортации, совершаемой властью воюющего государства, исключительно по отношению к населению оккупированных территорий либо к другим категориям населения противоположной стороны международного вооруженного конфликта, но не в отношении собственного населения, как это в основном было в СССР.

Приведенное свидетельствует, что депортация групп населения, в зависимости от обстоятельств его совершения, рассматривается современным международным правом как преступление против человечности либо как военное преступление, отличное от геноцида. Депортация же советской властью этнических групп, может в общем случае квалифицироваться как преступление против человечности, отличное от геноцида. Ведь, например, трудно представить что СССР, депортируя из Крыма в

1944 г. этнических армян, имел целью уничтожение этой этнической группы (ведь в отношении армян, проживавших в то время в Армянской ССР и в других регионах СССР никаких специальных ограничений в правах советская власть ни в 1944 г., ни позже не установила).

Вместе с тем именно депортация крымскотатарского народа может квалифицироваться и как геноцид – в условиях доказанного умысла советской власти осуществить полное либо частичное уничтожение соответствующей этнической группы как коренного народа, лишив его исторической Родины и уничтожив до того во время длительных репрессий 1920-1930 гг. его национальную элиту.

Позже депортация крымскотатарского народа была признана геноцидом парламентским постановлением Верховной Рады Украины от 12 ноября 2015 г. № 792-VIII. В этом акте парламент Украины сослался на положения Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. и в то же время заявил, что системное давление на крымскотатарский народ, репрессии граждан Украины по национальному признаку, организация этнически и политически мотивированных преследований крымских татар, их органов, таких как Меджлис и Курултай крымскотатарского народа, на временно оккупированной территории Украины со стороны государственных органов РФ, начиная с даты начала временной оккупации, является сознательной политикой этноцида крымскотатарского народа. Парадоксальным в этой ситуации является тот факт, что уголовное законодательство Украины не предусматривает отдельную квалификацию такого преступления против человечности, как этноцид; сравнение категорий «политика этноцида» и геноцида возможно только по итогам детального расследования ситуации в судебном порядке.

В условиях отсутствия сегодня доказанного судом факта цели советской власти по осуществлению геноцида депортированного крымскотатарского народа уголовная квалификация этой депортации именно как преступления геноцида либо как иного преступления против человечности может иметь правовые последствия исключительно при условии ее осуществления в условиях уголовного судопроизводства судом и органами, имеющими соответствующие полномочия по преступлениям против человечности по уголовным процессуальным законодательством Украины – а именно Службой безопасности и прокуратурой Украины. Поэтому возникает вопрос верного применения в таких условиях указанными органами материального и процессуального уголовного права – относительно возможного истечения давности преступления депортации, о возможности распространения на это преступление действующего в Украине уголовного законодательства либо законодательства, имевшего силу в СССР на момент начала депортации.

По проблеме истечения сроков давности следует констатировать следующее. Конвенция о неприменении срока давности к военным преступлениям либо преступлениям против человечности 1968 г., среди прочих ратифицированная Украинской ССР 25 марта 1969 г. в ст. 1 предусматривает неприменение срока давности к серьезным нарушениям Женевских конвенций 1949 г. и к военным преступлениям и преступлениям против человечности, предусмотренных в Уставе Международного Нюрнбергского военного трибунала, а также к фактам «изгнания в

результате вооруженного нападения или оккупации» и отдельно – к фактам геноцида.

В соответствии с требованиями Конвенции 1968 г. и ч. 5 ст. 49 УК Украины возможность уголовного производства по фактам любых депортаций по этническому признаку не зависит от сроков, прошедших с периода соответствующих событий. В частности, давность в Украине не применяется в случае совершения преступлений против мира и безопасности человечества. Кроме того, преступление депортации, как формы принудительного переселения нельзя считать завершенным после завершения процесса самого принудительного переселения. Само нахождение депортированного населения в местностях, куда они были принудительно переселены, без обеспечения возможности возвращения представителей такого населения по их желанию на территории предыдущего, традиционного проживания является логическим продолжением принудительного переселения, объединенным с таким переселением единым умыслом и целью.

Часть крымскотатарского народа и других депортированных этнических групп до сих пор проживает в местностях Центральной Азии; противодействие их возвращению на историческую Родину последовательно осуществлялась властью СССР в различных формах с 1944 г. по 1988 г. ; начиная с марта 2014 г. такое противодействие осуществляется властями РФ на оккупированных территориях Украины. Многочисленными в 2014-2016 г. стали факты повторной депортации, когда крымским татарам органы власти РФ запрещают въезд в Крым, либо путем фабрикации уголовных дел, «противодействия экстремизму» и «борьбы с терроризмом» создают условия для их выезда из полуострова для спасения собственных жизни и свободы. Как мы видели выше, международная криминализация принудительных переселений состоялась в 1945 г., геноцида – в 1948 г., военных преступлений против мирного населения – в 1949 г. ; СССР и Украинская ССР присоединились к соответствующим соглашениям в 1955 г., то есть в период, когда все ограничения в отношении депортированных этнических групп действовали в СССР практически в том же объеме, что и на момент депортации.

Определенную проблему представляет неприсоединение Украины к Римскому статуту, который сегодня криминализует преступление депортации как преступление против человечности, ведь действующий Уголовный кодекс (УК) Украины в разделе XX «Преступления против мира, безопасности человечества и международного правопорядка» до сих пор не имплементировал соответствующие нормы Римского статута, устанавливая ответственность исключительно за агрессию, военные преступления (ст. 436-440) и геноцид (ст. 442), но не за другие преступления против человечества и человечности. В уголовном законодательстве советского периода ответственность за преступления против человечности и геноцида не устанавливалось вообще; УК же Украины прямо не предусматривает возможности ретроактивного применения.

На момент совершения депортаций из Крыма соответствующие действия находились под юрисдикцией УК Российской СФСР 1926 г., который среди прочего устанавливал ответственность за злоупотребление властью или служебным положением, превышение власти либо служебных полномочий, имевших следствием нарушения охраняемых законом прав и интересов граждан (ст. 109 и ст. 110

соответственно, предусматривающие лишение свободы на неопределенный срок не менее 6 месяцев); насилие и применение оружия, мучительные и оскорбляющие достоинство действия во время указанного превышения полномочий, предусматривали ответственность до смертной казни (расстрела) включительно (ч. 2 ст. 110).

Разбой, способствовавший смерти потерпевшего и умышленное убийство с целью облегчить совершение другого преступления по УК 1926 г. предусматривали ответственность до 10 лет лишения свободы (п. «г» ст. 136, ч. 3 ст. 167). Превышение военным лицом командного, административно-хозяйственного и политического состава предоставленных ему прав, злоупотребление правами, повлекшее тяжкие последствия, предусматривало в указанном акте лишение свободы на неопределенный срок не менее года (ст. 193-12), а противозаконное насилие над гражданским населением, совершенное военнослужащими в военное время, при отягчающих обстоятельствах вообще предусматривало безальтернативную высшую меру «социальной защиты» - расстрел (ст. 193-18). Эти нормы были введены в УК республик СССР их общесоюзного Положения о военных преступлениях, утвержденного постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1927 г., они действовали в указанной редакции до 1957-1961 гг.

Важными для решения проблемы юрисдикции являются ст. 14 и 16 УК 1926 г., по которым срок давности для приведенных выше преступлений составляет 10 лет с момента совершения; но при этом кодекс 1926 г. в силу примитивности общей части не раскрывал проблему момента совершения и завершения преступлений, носящих длительный характер. В примечаниях к ст. 14 УК, принятых 6 июня 1927 г., указывалось, что пересмотр срока давности за совершение «контрреволюционных» (политических) преступлений полагался на усмотрение суда (но без права применения расстрела в таких делах), а в отношении лиц, совершивших «активные действия и активную борьбу против рабочего класса и революционного движения» до 1917 г. и во время Гражданской войны 1918-1922 гг. предусматривалась и возможность ретроактивного действия норм кодекса 1926 г., и пересмотр срока давности, и возможность расстрела осужденного – по усмотрению суда, отраженном в его решении.

В то же время, согласно ст. 16 кодекса 1926 г. «если то или иное общественно-опасное деяние прямо не предусмотрено настоящим Кодексом, то основание и пределы ответственности за него определяются применительно к тем статьям Кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления».

Таким образом, этим УК была предусмотрена принципиальная возможность как ретроактивного применения его норм без учета срока давности, так и применения его норм по аналогии. В отношении депортации по этническому признаку эти принципы могли быть применены одновременно: по аналогии по ретроактивности наказания и неприменении срока давности (ведь депортации имеют общие признаки с политическими преступлениями) и по аналогии с преступлениями, предусмотренными ст. 109 и ст. 110, п. «г» ст. 136, ч. 3 ст. 167, ст. 193-12, ст. 193-18 УК 1926 гг. в части установления границ ответственности виновных. Это приводит к возможности уголовного наказания за преступление депортации даже при УК Украины 2001 г. (который очевидно является более мягким по вопросам санкций за

соответствующие преступления) в соответствии с принципами *nullum crimen sine lege* и *nullum poena sine lege*.

Применение уголовного законодательства по преступлениям, совершенным советской властью, следует осуществлять с учетом дела «Кононов против Латвии», рассмотренном Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) по фактам применения ст.ст. 6-1, 45-1, 68-3 УК Латвии 1961 г. к военным преступлениям, совершенным советским партизаном в 1944 г. В указанных статьях, введенных в УК законами Латвии в 1993 г., предполагалось ретроактивное действие уголовного закона за военные преступления и преступления против человечности (в том числе и депортации) и отменялся срок давности. В своем решении от 24 июля 2008 г. ЕСПЧ признал применение указанных норм по делу Кононова в 2004 г. нарушением ст. 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Эта основополагающая Конвенция в ст. 7 «Никакого наказания без закона» указывает, что никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо уголовного преступления на основании любого действия или бездействия, которое в момент его совершения не являлось уголовным преступлением в соответствии с национальным законом или международным правом. Также не может быть назначено более суровое наказание, чем то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления. В то же время в ч. 2 этой статьи разрешается возможность судебного разбирательства, а также наказание любого лица за любое действие или бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными нациями.

Обжалование Латвией этого дела в Большую палату ЕСПЧ по применению в этом случае ч. 2 ст. 7 Конвенции 1950 г. привело к значимым последствиям. ЕСПЧ, анализируя УК Российской СФСР 1926 г., в решении Палаты от 17 мая 2010 г. указал, что ст. 14 кодекса 1926 г. применяется только к преступлениям, прямо предусмотренным в этом кодексе и «не распространяется на военные преступления, ответственность за которые предусмотрена международным правом; в Кодексе ничего не говорилось о возможности применения его положений о сроке давности к такого рода преступлений» (п. 230 решения). Поэтому ЕСПЧ решил, что признание в 2004 г. советского партизана виновным в военных преступлениях 1944 г. по уголовному закону 1993 г. не является нарушением требований п. 1 ст. 7 Конвенции 1950 г., основываясь и на анализе УК РСФСР 1926 г.

Как констатировал в этом решении ЕСПЧ, преследования за совершение военных преступлений на национальном уровне в 1944 г. потребовало бы от латвийских судов сослаться на положения международного права не только для определения этих преступлений, но и для решения вопроса о том, применяется ли к ним срок давности. Однако, как добавляется в решении ЕСПЧ, в 1944 г. международное право ничего по этому поводу не предусматривало; в принятых ранее международных декларациях об ответственности за военные преступления и об обязательствах подвергать военных преступников уголовному преследованию и наказанию не говорилось ни о каких применимых сроки давности.

Кроме того, в ходе дальнейшего развития международного права с 1944 г. в нем так и не появилось норм, предусматривающих применение срока давности к

военным преступлениям. При этом ЕСПЧ не обратил внимания на ст. 16 кодекса 1926, которая могла бы стать его дополнительным аргументом; одновременно приведенную позицию ЕСПЧ можно смело применять как дополнительное правовое основание в вопросе обоснования уголовного производства по депортации крымскотатарского народа.

Важно и п. 241 решения ЕСПЧ от 17 мая 2010 г, в котором суд напомнил, что государство-правопреемник «может начать уголовное преследование лиц, совершивших преступления при прежнем режиме, и это будет и разумно, и предполагаемо». При этом «суды этого государства нельзя будет упрекнуть в том, что они осуществляют применение и толкование норм права, действовавшего в соответствующий период времени при прежнем режиме, но в свете норм, лежащих в основе всякого правового государства, и с учетом базовых принципов, на которых строится конвенционный механизм защиты прав человека».

Это бесспорно подтверждает практическую возможность осуществления в Украине уголовного производства по депортации крымскотатарского народа. Такая возможность стала практически подтвержденной после того, как следственным управлением Прокуратуры АР Крым (находящейся сейчас в Киеве), в декабре 2015 г. было возбуждено уголовное производство по ст. 442 УК Украины «Геноцид» по факту депортации крымскотатарского народа.

Как следовало из письма Председателя СБУ от 5 мая 2015 г. № 24/5/Г-28, Службой безопасности совместно с Генеральной прокуратурой Украины в 2009 г. было начато доследственную проверку фактов незаконного переселения крымскотатарского народа в 1944 г.; по поручению Председателя СБУ в составе следственного отдела Главного управления СБУ в АР Крым было создано специальное отделение. К началу 2010 г. следователями этого отделения были собраны доказательства незаконной депортации коренного населения, но после этого работу следователей было приостановлено, подразделение – расформировано, собранные материалы в 2014 г. были захвачены властями РФ. Поэтому производство Прокуратуры АР Крым фактически начато с чистого листа и нуждается в содействии со стороны правозащитных структур.

Это производство практически осуществимо в Украине, в частности в условиях проживания в Украине жертв соответствующей депортации, при наличии многочисленных архивных данных и т.п. До сих пор живы многие граждане Украины, которые были жертвами депортации с самого ее начала в 1944 г. либо ставшие таковыми после рождения в местах спецпоселений в Центральной Азии; также до сих пор в Украине проживают многие лица, являющиеся свидетелями либо соучастниками как начала депортации в 1944 г., так и незаконных действий советской власти, партийных органов и структур КГБ Украинской ССР по противодействию возвращению в Крым депортированных лиц и их потомков в 1954-1989 гг.

Согласно Положению об Украинском институте национальной памяти, утвержденном постановлением правительства Украины от 12 ноября 2014 г. № 684, на этот Институт возложена функция представления министру культуры предложений по предоставлению оценки принудительной депортации, действий организаторов и исполнителей таких преступлений, а также последствий их деяний

для Украины и мира. Как следует из письма Института от 22 апреля 2015 г. № 01/301 этот орган поддержал возможность и признал целесообразным осуществление надлежащей юридической квалификации в Украине депортаций по этническому признаку советского периода.

Поэтому обработка материалов соответствующих уголовных производств органам Службы безопасности, прокуратуры и суда Украины целесообразно осуществлять при взаимодействии с представителями Украинского института национальной памяти и других аналогичных учреждений. Кроме того, учитывая роль военнослужащих и командования Советской Армии и НКВД, МВД, МГБ и КГБ СССР в процессах организации депортации, содержание депортированных лиц в 1944-1956 гг. в режиме спецпоселений и в противоправном противодействии их возвращению в украинский Крым в 1956-1989 гг. (с 1967 г. такое противодействие, кстати, противоречило и советскому законодательству), определенную роль в соответствующих процессах должны играть и органы военной прокуратуры.

Итак, депортация крымскотатарского народа как коренного народа с его исторической родины в Крыму является до сих пор не завершенным (длящимся) международным преступлением, не имеющим срока давности. Украина имеет надлежащую материальную и процессуальную юрисдикцию для его расследования и окончательной квалификации; юридическое признание этой депортации геноцидом станет окончательным после вступления в силу соответствующего решения компетентного суда.

В условиях длящейся оккупации Крыма Россией, со стороны БДИПЧ ОБСЕ, Специальной Мониторинговой Миссии ОБСЕ в Украине, Координатора проектов ОБСЕ в Украине необходимо содействие соответствующему уголовному расследованию украинской власти во взаимодействии с учреждениями и структурами ООН, Международным уголовным судом, правозащитными структурами, историческими институтами, представительными и общественными структурами крымскотатарского народа и других коренных народов мира.